

Как все мы здесь помним, все сотворенное мироздание разделяется на «видимое» и «невидимое». Потом уже в нем могут различать «материальное» («вещественное») и «духовное» («умное», «невещественное»); «плотское» и «бесплотное», «мирное» и «премирное» — или же «естественное» и «сверхъестественное»... Но очевидно, видимое и невидимое представляется первым и главным различием; весь сотворенный мир состоит из видимого и невидимого. Таково положение «Символа веры». Эта удивительная картина мироздания достойна долгого размышления (что такое сотворенное невидимое? почему зрению, оптическому восприятию человека придается такое исключительное значение — и не только здесь?). Обычно мы, не задумываясь, удаляем невидимое из нашего реального опыта, помещая его куда-то в «иной мир», в существенно другое пространство. Некогда мы надеемся что-то такое увидеть, но пока — «при жизни», «на земле», «во плоти», в пространстве видимого — дело не в этом.

Когда-то мы с племянницей Дашей (ей было тогда 6 лет) пытались изучить «Символ веры». Я спросила ее:

— *А человек относится к видимым вещам?*

Она, к моему удивлению, надолго задумалась.

— Не знаю.

— *Как?*

— Вообще-то его, конечно, видно, но главное в нем — невидимое.

Потом мы выяснили, что она имела в виду душу: это ее не видно в человеке. Но душа для Даши не была еще понятийной картинкой, как для взрослых. Это было, как она сказала, просто «все главное». Я могу — продолжая ее задумчивость — предположить, что «все главное» невидимо не только в одушевленных предметах. Оно невидимо в дереве, на которое мы смотрим, оно невидимо в историческом событии, происходящем на наших глазах. Оно невидимо, если мы знаем, что невидимое вообще есть и что его присутствие очень важно; без этого мы можем решить, что видим все «как есть». Иначе говоря: без присутствия невидимого (в уме, в памяти, в каком-то общем расположении восприятия) мы видим совсем другое видимое. Граница между видимым и невидимым не пространственная: по эту сторону все видимое, а по другую — все невидимое. Можно сказать, что все видимое полно невидимым. И даже больше: что невидимое — это тот свет, при котором мы видим видимое. Зрение, оптическое восприятие немислимо без света. Все, что мы видим, мы видим при каком-то свете. Само зрение Господь называет «светом души». В последних беседах Владыки постоянно проходит тема полумрака, сумерек, в которые погружен наш мир.

Вера, по определению ап. Павла (Евр. 11, 1), связана с вещами невидимыми. «Уверенность в вещах невидимых» — этой половиной Павлова определения веры названа книга последних бесед владыки Антония. С уверенностью в невидимом связана определенная неуверенность в вещах видимых. С ней связана и тема сумерек здешнего освещения — иначе можно было бы не сомневаться в полной освещенности нашего мира.

Если мироздание различается прежде всего на видимое и невидимое, то и человек предстает прежде всего как видящее существо. Его поступки, его мысли и чувства уже следуют из того, как он видит видимое («если око ваше чисто»). В воспитании зрения, видения видимого заключается возделывание человека. Другие, «неоптические» глаза, воспринимающие невидимое, принято называть «глазами сердца», «умственным взором». Мне представляется важным думать, что это не «вторые глаза», а тот свет, при котором видят «первые глаза». К сожалению, в привычной религиозной практике мы слышим об этом очень немного. Речь ведется о делах, помыслах, чувствах. О той слепоте к невидимому (а следовательно, к видимому), из которой возникают всяческие безобразия, речь обычно и не заходит.

— *Мы глаза, — он сказал — не свои:*

Нами смотрит любовь на страданье земное.

Это стихи Виктора Кривулина. Тот, кому довелось встретить на себе взгляд владыки Антония, видел именно эти глаза.

15 сентября 2013 года, Москва